

Решение Васильевой уйти из театра, продиктованное самыми высокими и убедительными мотивами, тем не менее показалось чудовищной ошибкой многочисленным почитателям ее таланта. И то, что актриса после многолетнего перерыва вернулась на киноэкран, сыграв в новом фильме Олега Янковского, воспринято как закономерный шаг. Васильева вернулась не только к нам, зрителям, но и к себе, к своей актерской природе.

— Вы поступили во ВГИК сразу после школы?

— Собственно, у меня не было каких-то особенных вариантов. Куда еще идти? Я была заводилой, душой компании, участвовала в каких-то вечерах, смотрала. Это было начало шестидесятых. «Современник», Таганка...

Я мечтала стать именно театральной актрисой, а совсем не актрисой кино. ВГИК возник совершенно случайно. Просто был внеплановый зимний набор студентов. Я пошла устроить себе репетицию перед поступлением в театральный вуз. Шансов никаких: тогда во ВГИК брали только стопроцентных безусловных красавиц. И я очень удивилась, когда меня взяли. Так и осталась на курсе Михаила Ильича Ромма. На выпуске у нас был очень интересный спектакль, который поставил Сергей Соловьев. ВГИК звал на наш выпускной спектакль многих главных режиссеров Москвы, и так после просмотра меня пригласили в Ермоловский театр. Из демократической обстановки института я оказалась перенесена в абсолютно чужой мир, со своими очень своеобразными правилами, жесткими законами, традициями, интригами, тайнами.

Мы пришли в период, когда Комиссаржевский, главный режиссер театра, начал обновление репертуара, тогда кроме меня он позвал Калягина, Льва Крутого, Лакирева. Мы сыграли вместе несколько постановок. А потом там началась борьба. Актеры боролись с замдиректора театра, и нам удалось добиться, чтобы его сняли. Были какие-то финансовые и нравственные злоупотребления, мы залезли в какую-то темную грязную яму. И в азарте справедливости победили. Только в пылу этой борьбы прошляпили, что в театре шла другая интрига, гораздо более серьезная, в результате которой Комиссаржевский был снят. Когда он ушел, стало понятно, что сейчас и многих из нас попросят, и, не дожидаясь увольнения, я ушла в «Современник».

— Но и там пробыли всего несколько лет. Тоже какая-нибудь интрига?

— Просто я родила ребенка, и, как положено, сидела с ним дома. Я успела сыграть несколько спектаклей. Один — очень шумный — «Валентин и Валентина», имевший большой успех. Второй — довольно фантастическим образом. В «Современник» приехал ставить Анджей Вайда, в пьесе было всего четыре персонажа, и я была среди отобранных им артистов. Олег Табаков ему очень вежливо объяснил, что я — в интересном положении. Вайда смирился, но тут же добавил: а на репетициях пусть все равно сидит. Ну, я исправно ходила на репетиции. Вайда тогда казался чем-то вроде полубога. Его фильмы, которые удавалось посмотреть, рассказы о нем... Гениальный режиссер. В кино. В театре же вел репетиции кто-то абсолютно беспомощно, они шли тягостно, неинтересно. В какой-то момент сидевший рядом Костя Райкин у меня даже спросил: а ты уверена, что это тот самый Вайда?

И вдруг... случай. Мне пришлось играть премьеру. Вайда вынес мне корзину цветов и сказал: «Фантастика!»

— Во МХАТ вы пришли в период «бури и натиска», когда Олег Ефремов формировал новую звездную труппу, и сразу стали репетировать Сарру в «Иванове»...

— Дело в том, что меня собственно на роль Сарры и пригласили. Тогда, в 1974 году, «Иванова» почти одновременно решили ставить во МХАТе и в «Ленкоме». И с разницей, по-моему, в один-два дня мне позволили Олег Николаевич Ефремов и Марк Анатольевич Захаров, и оба предложили эту роль. Было, конечно, очень лестно. Но, с другой стороны, я себя чувствовала настоящим буридановым ослом. Оба предложения были такими, что отказаться невозможно.

Мой муж, Михаил Рошин, большой друг Олега Николаевича, никак

не мог понять, как вообще можно думать, когда зовет сам Ефремов. В доме был просто скандал. Наконец, я сказала «да» и уехала в Ленинград на озвучание фильма. А там поделилась своей историей с Андреем Мироновым. Как же он на меня кричал! «Тебя зовет Марк Захаров, а ты! Я не могу бросить свой театр, предать Плутека, а то бы ни одной секунды не колебался, играл бы в «Ленкоме» все что угодно. Это замечательный театр!» И своим напором он меня смял. Тут же из гостиницы позвонила Захарову. Я хорошо помню, как мы пошли с Рошиным смотреть «Тиля». Мишка шел расстроенный, со мной не разговаривал. Пришли на спектакль: там на сцене бегают, кричат, танцуют, орут, а я все это не люблю. Это все абсолютно не мое. И я как-то так скисла, поняла, что так я не умею. И Рошин добавляет: «Ты этого хочешь?»

Мы пришли в кабинет к Захарову, и я сказала, что должна отказаться, потому что так я не смогу. Он

всплеснул руками: «Ну, что за глупости! У нас все спектакли разные. Один такой, другой — абсолютно в иной манере». Тем не менее, я отказалась. И пришла во МХАТ. Чтобы докончить сюжет с «Ленкомом» добавлю, что потом смотрела «Иванова», где все было выстроено на Инну Чурикову — Сарру, и подумала: эх, прогадала! Во МХАТе центральной фигурой был Иванов — Смоктуновский, а Сарра и все остальные — при нем.

— Смоктуновский был легким партнером?

— Нет, совсем нет. С Иннокентием Михайловичем играть было очень тяжело. Он существовал на сцене сам по себе. Пожалуй, единственное: мы очень хорошо относились друг к другу. Это создавало и на сцене какие-то нити.

А вообще я к партнерам никогда не предъявляла повышенных требований. Хороший партнер — хорошо, не хороший — ну, тогда я сама сыграю, без него.

Екатерина **ВАСИЛЬЕВА:**

В ЗАЛЕ ВСЕ РЫДАЮТ, А У МЕНЯ — ХОЛОДНЫЙ НОС

Фото Виктора БАЖЕНОВА

Вел. Р. Л. У. - 2001 - 23 февр - 1 марта - с 7

Я в свое время любила «Вагончик», поставленный Гинкасом, любила свою роль. Мы играли этот спектакль самозабвенно, мы все были исполнены такого жаркого сострадания к этим людям, к этой ситуации, что буквально сердце разрывалось от жалости и любви. А спустя много лет читаю в «Театральной жизни» откровения Гинкаса, что он ставил спектакль, чтобы вызвать отвращение к мерзости этой жизни, этой жиже, в которой существовали герои. Меня просто трясло, когда я это прочитала. Гинкас зашел ко мне за кулисы после «Орестеи», я спросила: «Что же ты написал? Как ты мог нас так обманывать?» Он ответил: «Ты думаешь, Штайн тебя не обманывает?!»

— И что вы на это сказали?

— Я сказала: понимаю, конечно, что он обманывает, но могу строить контрдействие и тоже в долгу не останусь.

— Говорят, что актеры делятся на тех, которые интересуются главным образом своей ролью, и тех, кого больше волнует общий

смысл спектакля. К какому типу относитесь вы?

— Ко второму. В этом смысле у меня режиссерский подход: идти не по эмоциям, а по мысли. Поэтому я всегда как бы обманывала публику. Там все рыдают, а у меня абсолютно «холодный нос». Я никогда не выпускала чужие переживания в себя, мне это казалось пошлым.

И мне очень везло, что я играла большие роли. Если актера держать на маленьких ролях, и он постоянно находится в положении экзаменуемого, — он никогда и ничего не сможет сыграть.

— Оценки критики на вас влияют?

— Оценки критики... Помню, как однажды прочитала в статье: Васильева играет Клитемнестру ужасно. Это после того, как я привыкла к эпитетам: гениальная, выдающаяся трагическая актриса XX века... Я хохотала до слез.

Встречалась
Ольга ЕГОШИНА